СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
Порочные
ЦВЕТЫ
Вероника Летова

Вероника Летова

Порочные цветы

«Автор»

2022

Летова В.

Порочные цветы / В. Летова — «Автор», 2022

Какие тайны может скрывать дневник юной девушки? Конечно, любовные… Но что, если одна такая тайна может полностью разрушить ее жизнь, потому что любовь эта запретная?

© Летова В., 2022
© Автор, 2022

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Вероника Летова
Порочные цветы

Глава 1

Зима как всегда подобралась незаметно, со спины, как предательница, и запустила свои ледяные, покрытые инеем пальцы в сад, в дом, под одежду и в сердце, вызывая озноб и оцепенение. Неужели тот день, которого я так давно боялась, все-таки неминуемо приближается, и мне действительно придется смириться с тем, что Димка уедет в Петербург, и мы станем видеться лишь по праздникам, да и то вовсе не обязательно? На самом деле я ведь не дурочка и всегда знала, что когда-нибудь так и произойдет – мы же не можем вечно жить одной дружной семьей. Ему уже все-таки двадцать семь, и он давно имеет право самостоятельно устраивать свою жизнь, и уж, конечно, без своей глупой младшей сестры… Только вот даже не думала, что мне будет так паршиво, ведь я теряла не только лучшего друга, но и человека, к которому питала гораздо более пылкие чувства, чем должна была по кровному родству… Такая вот нелепая западня, из которой нет выхода…

Дело в том, что уже долгие годы я испытывала к нему непроходящую и ничем неутолимую тайную страсть, которой боялась и стыдилась. Мне некому было довериться, не с кем было посоветоваться, негде было искать поддержки, и единственное, что помогало мне совладать со своими душевными страданиями, был мой дневник, который я вела в величайшей тайне от всей семьи. Может, и старомодно, зато хоть какой-то способ куда-то слить избыток мыслей и чувств… Брат занял все мои помыслы, все мои грезы, отнимал все физические и моральные силы, направленные на то, чтобы я ненароком не выдала себя. Только бог ведает, как трудно мне это порой давалось. И уж точно, если ад все-таки существует, кто-то готовит мне там самое жаркое местечко…

В наш дом приходили его девушки, которые часто не стеснялись выставлять напоказ пылающие в них страсти. Они липли к брату, как пиявки, ни на шаг не отпуская его от себя, да при этом еще перед родителями кривлялись, всеми силами пытаясь произвести на них благоприятное впечатление. В некоторые моменты я с величайшим трудом удерживала себя от того, чтобы на месте не выцарапать им глаза, но иногда становилось так паршиво, что просто жить не хотелось. Тогда верх надо всем брала тоска, и я могла малодушно сбежать в свою комнату посреди вечеринки или семейного обеда, чтобы там предаться отчаянию в лучших традициях готической субкультуры.

Пару раз я чуть было не выдала себя, когда у Мити начали складываться особенно близкие и стабильные отношения с его очередной девушкой, Наташей. Я случайно услышала, как они обсуждали, на какой день назначить их свадьбу, и у меня случилась истерика, после которой я даже по-настоящему заболела на нервной почве. Тогда Димка провел у моей постели дольше всех. Я соврала ему и всем остальным, что безответно влюбилась, и от этого чуть ли не с собой готова покончить. Собственно, это было правдой, поэтому играть было не сложно. Он веселил меня, читал мне как маленькой, играл мне на гитаре и пел, мы вместе смотрели кино, и еще он обнимал меня, невинно целовал, валялся со мной на постели, дурачился и болтал без умолку. О, это были счастливейшие дни в моей жизни, если не считать того невероятного напряжения, которое я вынуждена была подавлять в себе, чтобы моя страшная тайна никому не стала известна. Впрочем, после этого он свел на нет свои отношения с Наташей, объяснив это тем, что не испытывал к ней те чувства, которые необходимы для счастливого брака.

Боже, что со мной тогда творилось? Сбой в хромосомах? Психическое заболевание? Испорченность и развращенность, без конца приписываемые современному обществу в целом

и моему поколению в частности? А, может быть, временное подростковое отклонение, которое скоро должно было пройти, если бы брат и вправду уехал далеко и надолго, не подпитывая мое больное воображение? Я сломала себе голову, пытаясь разгадать причину своей болезненной страсти и найти противоядие, хотя, возможно, следовало всего лишь искать яд, чтобы просто прервать свои мучения и не допустить роковых ошибок, разочарований и страданий близких мне людей. Только что я могла? Страсть никуда не девалась уже долгие годы… разве что порой удавалось запрятать ее очень далеко, в сны и бессонницы, в якобы беспричинную грусть и радость, в якобы случайный выбор книг, песен, фильмов… в неопределенные карандашные наброски и глупые стихи, написанные вовсе не о том, о чем хотелось…

А что же рассказать про него, чтобы прояснить эту клиническую картину… Мой брат математик по образованию, но работает не по профессии. Еще не окончив университет, он занялся бизнесом в сфере IT, и благодаря незаурядной эрудиции, высокому интеллекту и какому-то мистическому бизнес-чутью в очень короткие сроки сколотил себе совсем неплохое состояние. Переезжал он как раз потому, что его бизнес требовал расширения.

Думаю, немалую роль в его успехе сыграла и необычайно привлекательная внешность. Говорят, красивые люди гораздо легче устраиваются в жизни. Он был высок, спортивен, ухожен с головы до пят, разодет по последнему писку моды и вдобавок обаятелен до умопомрачения. Не знаю, когда он все успевал – работа, учеба, спорт, музыка, книги, друзья, девушки, вечеринки, семья. Он всегда был таким… разносторонним и безупречным… Наверное, он относился к тем людям, которые в совершенстве владели способностью идеально планировать свое время. К моему счастью, очень большую часть своего свободного от серьезных дел времени он проводил и со мной. Я постоянно была в его компании, а он в моей. И говорить, наверное, не надо, что все мои подружки были без ума от него и из кожи вон лезли, чтобы хоть чуть-чуть привлечь его внимание, в том числе при моем посильном участии. Только вот вряд ли мои восемнадцатилетние сверстницы-дурочки могли заинтересовать такого, как Митя… и уж тем более они едва ли могли рассчитывать на существенную помощь с моей стороны…

Надо сказать, Димка всегда был очень разборчив, и все его девушки были красивы, образованы, порядочны и хорошо воспитаны как на подбор. Краснодипломницы, умницы-аспирантки, юные карьеристки, дочки из респектабельных, благополучных и как правило зажиточных семей с хорошим приданым – в общем цвет общества, как говорится. С первого взгляда он сам казался очень правильным и надежным молодым человеком, однако, после того, как он хитро отделался от нескольких весьма положительных во всех отношениях девушек из великолепных семей, я поняла, что не совсем он тот, за кого себя выдает. Что его по-настоящему интересовало, так это учеба и бизнес, а вот девушки… девушки всегда шли потом и занимали далеко не главное место в его сердце. Иной раз мне даже казалось, что он упивался своей властью над ними и в душе посмеивался над их слабостями и их глубокими чувствами к нему. В общем, чрезмерное дамское внимание явно подпортило его нравственные качества.

Ко мне он, конечно, относился по-особенному, нежно и трепетно, иронично-критически и покровительственно-заботливо, в общем-то так, как и должен любящий брат относиться к младшей сестре. С одной стороны, это льстило, с другой, доводило до отчаяния, потому что его братской любви мне было совершенно не достаточно, и с каждым годом это неутоленное желание только росло. С ужасом я ловила себя на мысли, что краснею и в то же время не могу отвести глаз, когда вижу его натренированный голый торс в капельках воды после душа и затянутые в полотенце узкие бедра. Делая вид, что читаю книгу, смотрю телевизор или просто думаю о своем, якобы глядя в пустоту, я тайком любовалась каждым движением его красивых мускулистых плеч, блеском загара и черных непокорных локонов, ироничными усмешками его соблазнительных губ и циничным прищуром его холодных глаз, как любуются подростки своими недоступными звездными кумирами – любимыми певцами и актерами, такими идеальными и такими недостижимыми.

Когда все это началось, я уже и не помню, потому что не всегда вела дневник. Все же многие девочки восхищаются своими братьями в детстве, особенно, когда их ставят в пример родители как образец мужского характера. Родители обожали Митю, так что не удивительно, что обожание передалось и мне. Вот только когда я вдруг перешла ту грань, которая пролегает между простым восхищением сестры и страстным обожанием девушки, мне точно не известно.

Помню, что еще когда мне было лет тринадцать, я засматривалась на него, как на картинку из модного журнала, эталон стиля, мужественности, красоты и силы. Как-то, мучаясь долгой бессонной ночью от круживших голову фантазий, я вдруг придумала одну совершенно сумасшедшую вещь, которая могла бы запросто навсегда испортить мне жизнь, если бы Митя не был мне по-настоящему хорошим преданным другом.

В то время в школе я очень нравилась одному парню, Артему, к которому оставалась совершенно равнодушной, хотя по нему сохли девчонки всех седьмых классов. Этот Артем был душой компании и прекрасно умел пользоваться своей популярностью у девчонок. Неиссякаемый фонтан его обаяния даже учительниц не оставлял равнодушными, что чрезвычайно положительно отражалось на его успеваемости. К тому же мальчик был из весьма обеспеченной семьи, при понтах, деньгах и всяких таких делах, умел блеснуть и шикануть, а это во все времена и в любом возрасте ценилось… Так вот мы часто бывали в одной компании, гуляли после школы, ходили куда-нибудь вместе на выходных или на крайний случай он устраивал посиделки у себя дома, что для многих было равноценно походу в Эрмитаж и в дорогой ресторан в одном флаконе. Именно у себя дома он уже который раз безрезультатно пытался уломать меня на поцелуй. Не знаю, на что он там рассчитывал, но шансов со мной у него не было никаких. В связи с этими бесконечными, порядком поднадоевшими мне детскими домогательствами, мне в голову вдруг пришел совершенно безумный план, который я после нескольких бессонных ночей все же решилась воплотить.

Ну, во-первых, я не забыла привести себя в полное соответствие с образом прелестной нимфетки, нацепив коротенькие тугие кожаные шортики с чрезвычайно заниженной талией, черные колготки крупной сеткой и облегающий черный топ, в котором я казалась почти что голой. Все это оставляло наблюдателю возможность полюбоваться всеми прелестями юной тонкой женственной фигуры – тоненькой талией, плоским животиком и мягкими округлыми бедрами. Аккуратно подведенные черным глаза дополняли картину. Во-вторых, я выпила для храбрости глоток коньяка из папиного раритетного арсенала, который, наверное, относят к разряду тех, что считают выгодным вложением капитала. Вообще-то я была из правильных домашних девочек, совершенно не привычных к алкоголю, так что глоток коньяка возымел свое действие немедленно, и я почувствовала себя несколько более разгоряченной и решительной, чем обычно. По крайней мере, я не раз слышала, что это помогает.

В таком виде и состоянии я постучала в комнату брата и робко зашла, замерев за его спиной. Он сидел за своим ноутом и резался в какую-то онлайновую игрушку. На нем был короткий банный халат, и с мокрых волос на шею стекала вода. Вообще-то это было слишком для того, что я задумала, но отступать было некуда. Во всяком случае, так мне искренне казалось под легким приятным воздействием папиного коллекционного напитка. Я обошла его справа и уселась на подлокотник дивана в зоне его видимости. Он мельком бросил на меня взгляд, но тут же снова уставился в монитор, так что я даже не поняла, произвел ли на него мой вид хоть какое-то впечатление.

– Что? – спросил он, не глядя в мою сторону.

– Я хотела поговорить вообще-то.... – робко начала я, нервно кусая губы.

– Ну давай, – он активно стучал по клавишам.

– Ты не мог бы поставить на паузу? – сорвалось у меня, и я тут же об этом пожалела, ведь гораздо проще было бы говорить, если бы он на меня не смотрел, но теперь уже было поздно. Митя слегка раздраженно стукнул по клавише и повернулся, на этот раз оглядывая меня с

нескрываемым любопытством. Я покраснела до ушей, нервно подскочила с места и зашагала по комнате.

– Ну и? – в его голосе слышалось нетерпение.

– Дело в том… дело в том, что мне нужен твой совет.

– Ого! Какое доверие! – хмыкнул он, впрочем, не очень впечатленный, медленно встал, и, скрестив на груди руки, присел на край стола, внимательно наблюдая за мной. Его настрой несколько охладил мой пыл. Собственно, чего я ожидала?

– В общем, мне нравится в классе один парень.... – я замялась, отвернувшись к окну. – Я ему тоже нравлюсь, и, кажется, он собирается меня поцеловать…

Я повернулась к Мите, украдкой стараясь уловить его реакцию. Он приподнял брови и, кажется, едва сдерживал усмешку.

– Какие нешуточные страсти нынче у деток в седьмом классе! – снова иронично заметил он.

Я сконфуженно замолчала.

– Ну и в чем мое участие? Вроде, у тебя все хорошо.

– Не совсем… Дело в том, что.... – я собралась с духом, – дело в том, что я не умею целоваться…

Последовала напряженная пауза, которая, собственно, показалась напряженной только мне, потому что Митя стоял в каком-то скучающем раздумье, слегка вытянув губы.

– И чем же тут я могу помочь? – совершенно спокойно, явно без всякой задней мысли спросил он.

До сих пор поражаюсь, как мне тогда хватило смелости и, главное, глупости, произнести все-таки то, что было запланировано заранее.

– Я думала, что ты.... – у меня пересохло во рту, – что ты мог бы научить меня.

Он не отвечал очень долго, наверное, вечность, хотя скорее всего вечностью мне показалась всего пара секунд. Я не решалась даже посмотреть на него, но каково же было мое состояние, когда я поняла, что он медленно приближается ко мне. Сердце готово было выпрыгнуть у меня из груди, и я бы не удивилась, если бы на моем лице проступили ожоги от стыда, который беспощадно жег меня изнутри. Я стояла, потупив взгляд, крепко прижавшись спиной к подоконнику и уцепившись за его край руками, чтобы не упасть от предательской слабости в ногах. Митя подошел, немного постоял напротив, потом нежно тронул распущенные длинные волосы, погладил по щеке и приподнял мое лицо за подбородок. Я решилась поднять глаза, но встретившись с пронзительным взглядом его серых глаз, тут же глупо захлопала ресницами.

– Ты искренне считаешь, что мальчикам в седьмом классе нравятся опытные девочки? – серьезно поинтересовался он, ставя меня в тупик своим слишком уж очевидным вопросом. Почему я заранее не продумала, что на такое нужно отвечать?!

– Ну, все мои подружки уже целовались сто раз, а я нет… И я боюсь, что он догадается… Вдруг ему не понравится и он наболтает про меня всем… Ну, что я ничего не умею…

Я упорно смотрела вниз, а он все держал мое пылающее лицо за подбородок, словно раздумывал, хочет ли целовать мои губы или нет. По крайней мере, все мои мысли были только об этом. И это было просто невыносимо.

– Иди-ка сюда, – он вдруг отпустил мое лицо и тихонько потянул меня за руку к шкафу с зеркальными дверцами. Мы оба остановились прямо напротив них. Он стоял позади. – Посмотри хорошенько.

Я непонимающе подняла глаза на его отражение.

– Да не на меня, на себя, дурочка, – улыбнулся он, положив одну руку мне на плечо, а другой снова нежно поправляя мои волосы. Я неуверенно перевела взгляд на себя. – Думаешь, какому-то тринадцатилетнему козлу не понравится целоваться с такой как ты?

– Я не знаю, – в отчаянии прошептала я, глядя на свои пылающие пухлые губки, ясные ярко-зеленые глаза под лихим изгибом густых длинных ресниц, изящную шейку, на которой в ямочке посередине нервно вздрагивал пульс, на часто вздымающуюся грудь, уже принимавшую весьма округлые, но при этом упруго крепкие формы. Краем глаза я заметила насмешливые и пронзительные глаза Мити и судорожно опустила ресницы.

Он отпустил меня, безмятежно потянулся, подошел к своему столу с ноутом и вальяжно развалился в кресле, уже не глядя на меня.

– Слушай, Марин. Ты не притворяйся наивной святошей, потому что ты прекрасно знаешь себе цену. Твой приятель будет в восторге от твоих поцелуев, так что на твоем месте я бы скорее парился о том, как не позволить ему слишком многого, – его пальцы снова застучали по клавиатуре, хотя он уже не играл, а, кажется, занялся чем-то по учебе.

– Но как же… как же я буду его целовать… – ухватилась я за соломинку, в душе понося себя самыми страшными словами за такую откровенную тупость.

– Пусть лучше он парится, как произвести впечатление на тебя своими поцелуями. Слушай! – он резко обернулся, и я заметила, что халат у него распахнулся, обнажая мощную натренированную и загорелую грудь. – Ты просто пришла не по адресу. Я твой брат, а не сутенер, и не все братья, кстати, так терпимы в отношении целомудрия своих сестер.

Я хотела было еще что-то возразить, но он не дал сказать.

– Давай иди уже. Мне надо тут кое-что подготовить. И, если у вас все будет хорошо с тем парнем, уволь меня от подробностей, ладно? И не одевайся так при посторонних. Это вульгарно.

Черт возьми! Я была сломлена! Да что там говорить – просто раздавлена! На что я надеялась тогда, глупая наивная девчонка с глупыми, наивными и детскими, до идиотизма детскими, фантазиями! Сейчас мне кажется, что это случилось нереально давно, будто в другой жизни, хотя я до сих пор помню каждый удар своего сердца, каждый вздох, каждое его слово, интонацию и, конечно, каждое его прикосновение. Это был мой полный провал, после которого я стала скрывать свои аномальные пристрастия еще тщательнее, только усложнив себе жизнь.

Прошло несколько лет, и мне уже исполнилось шестнадцать, когда я снова решилась на опасный шаг, хотя вышло все совершенно случайно. В тот раз мне показалось, что я навсегда перешла черту и назад дороги уже не будет. Мы с Митей ночевали дома одни, потому что родители на пару дней уехали в гости к друзьям. И вот бессонной ночью, в которую я прослушала столько любимых песен, что уши ломило от наушников, я отправилась в кабинет отца за какой-нибудь книжкой, чтобы скоротать с ней остаток ночи. В кабинете на диване я вдруг обнаружила брата. Он невинно спал, свесив вниз одну руку и закинув другую под голову. На нем из одежды были только джинсы, расстегнутые на поясе, видимо, чтобы не давила застежка, на шее – толстая золотая цепочка, которая красиво мерцала в приглушенном свете торшера на фоне его золотистой загорелой кожи.

Не знаю, как долго я простояла там, любуясь красотой его лица и полуобнаженной фигуры, но в итоге, завороженная его магической притягательностью, я подошла и тронула непослушный черный локон на его лбу. Локон никак не хотел слушаться и откидываться со лба. Оставив это бесполезное занятие, мои дрожащие от волнения пальцы скользнули по его щеке вниз и коснулись его горячих чувственных губ, которые так часто и так чертовски бесстрастно меня целовали каждый день. Он не просыпался, продолжая ровно дышать. Его грудь мерно вздымалась, веки и ресницы были спокойны, все тело расслаблено. Я опустилась рядом на колени и приблизила свое лицо к его, почти осязая его губы своими губами. Моя рука сползла вниз по волевому подбородку, шее, мощному плечу. Я обвела пальчиком изящную цветную татуировку в форме дракона на его рельефно накачанном предплечье, потом коснулась мускулистой груди, наклонилась и, на секунду затаив дыхание, прислушиваясь к его мерному сну,

лизнула его темно-коричневый немного шершавый сосок. Его грудная мышца рефлекторно сократилась, но он продолжал невинно спать.

Боже, что я творю! Играю с огнем! Я прекрасно понимала сейчас, что я сумасшедшая шестнадцатилетняя озабоченная дурочка, которая непристойно ласкает в темноте своего спящего старшего брата, рискуя в любой момент быть пойманной с поличным! Но я ничего не могла с собой поделать… Его кожа была такой гладкой и нежной, такой холеной и соблазнительной! Я хотела прижаться к нему всем телом, прильнуть к его страстным губам, которые так жадно целовали десятки губ чужих девушек!

Я сотни раз видела, как он нахально, уверенно, без тени сомнения влюблял их в себя одним лишь взглядом, одним прикосновением или дерзкой улыбочкой… Они смотрели на него взволнованно и восторженно, нервно глотали, краснели, хлопали ресничками и по сто раз поправляли волосы… А он, конечно, умело всем этим пользовался, сводя их с ума поцелуями, дразнящими ласками и бессовестными объятьями на грани… у нас дома, на вечеринках, в клубах, у подъездов их домов, в ресторанах, да где угодно! Везде, где желал! Безусловно, он знал меру, и самые страстные сцены разыгрывались не на моих глазах. Даже мой слух бережно оберегался, и ни разу, включая те дни, когда родителей не было дома, я не слышала, чтобы из его комнаты доносились непристойные обличающие стоны или скрипы. В худшем случае это были звонкие хихиканья девчонок, хотя и они доводили меня до отчаяния и бешенства. В общем, в этом смысле он был хорошо воспитан и сдержан, да и девушек подбирал соответствующего контингента. В конце концов, у него была своя квартира в центре, где он мог творить, что хотел, а родительский дом он уважал.

Совсем недавно он доделал новую татуировку на животе. Это тоже был дракон, такой же как на руке, но изогнувшийся в другой позе. Его морда начиналась пониже пупка сантиметров на десять и ближе к левому бедру, а извивающееся тело и хвост уходили вниз, к паху, скрываясь за поясом брюк и белья. Я нежно погладила этого дракона и повела по нему пальцами вниз, нервно дрожа всем телом, кусая и беспрестанно облизывая губы от волнения. Как раз в тот момент, когда мои пальцы слегка сдвигали вниз пояс его брюк, рука Мити, которая секунду назад безвольно свисала с дивана, вдруг метнулась и железной хваткой впилась в мое запястье. Я вскрикнула и чуть не подпрыгнула от неожиданности, а Митя медленно приподнялся над подушкой. У него было лицо человека, который реально только что проснулся и толком не может понять, что происходит, но мои ощущения могли быть обманчивы. Все-таки мое положение было слишком компрометирующим. Я стояла перед диваном на коленях, склонившись над его животом и практически снимая с него брюки… К тому же я понятия не имела, когда он проснулся, ведь он мог притворяться спящим…

Мои щеки и губы пылали, я судорожно хватала воздух ртом, как рыбка, выброшенная на берег. Все-таки что-то было такое непонятное в этот момент в выражении его лица, что дало мне основание думать, будто он смотрит на меня сейчас не как на сестру, но как на красивую девушку, к тому же застигнутую в весьма неловкой ситуации и потому находящуюся в его власти. Такое положение дел он любил, насколько я могла об этом судить со своей скромной позиции младшей сестры. Было ощущение, что глядя прямо мне в лицо, в мои расширившиеся от ужаса глаза, он ищет в них ответы на весьма неловкие для меня вопросы. В то же время эта близость его губ, эта притягательная нагота его теплого, расслабленного ото сна тела, мутила мой разум, давая повод верить в нереальное. В голове у меня крутились безумные мысли о том, что в следующую секунду он мог как впиться в мои губы страстным поцелуем, так и оттолкнуть меня с отвращением и полным недоумением. Я была напряжена до предела, сердце готово было выпрыгнуть из груди, длинные черные волосы разметались по плечам, лезли в глаза и мучительно щекотали щеки, но я не могла их поправить, окаменев, обезумев от страха и страсти. Черт, что же я натворила…

Его сверкающие холодным стальным блеском серые глаза, такие выразительно светлые в контрасте черных бровей, густых ресниц и лоснящихся восхитительным блеском волос, были совершенно непроницаемы. Прошли мучительнейшие несколько секунд, прежде чем он ласково улыбнулся, словно сообразив, кто перед ним, и стараясь отмести в глубины подсознания ощущения из недавнего то ли сомнительного сна, то ли явного бреда наяву. Судя по его доброжелательной улыбке, он больше склонялся к версии, что это был сон и что ему именно из-за сна померещилось что-то странное и противоестественное.

– Ты что тут делаешь? – спросил он рассеянно, уже отпустив мою руку и откидываясь назад на подушку.

– Да я.... – залепетала я предательски срывающимся голосом, – я просто хотела посмотреть твою новую татуировку.

В общем я тогда решила идти ва-банк, понимая, что, если начну отпираться, мое положение будет смотреться гораздо непригляднее.

– Извини, что разбудила…

– Господи, Маринка, в другое время что ли нельзя было посмотреть…

Убедившись в том, что он ничего страшного не подозревает, я обнаглела и со всей уверенностью стала косить под дурочку.

– Ну, знаешь… у тебя на таком месте эта татуировка… Я как-то не решилась, – хихикнула я невинно.

– Какая скромница! Который час вообще? – он потянулся, красиво заиграв всеми своими мышцами и сладко зевнул.

– Кажется, три. Мне не спалось… Вообще-то я за книжкой пришла, а тут смотрю – ты лежишь. Вот я и решила посмотреть.

Он усмехнулся, блеснув белоснежными зубами, небрежно приспустил брюки и показал дракона, хвост которого уходил еще ниже в недоступную моему взору зону паха.

– Довольна? Надеюсь, хвост демонстрировать не обязательно? – снова насмешливо скривил губы брат.

– О, нет! Избавь от такого счастья! – нервно хихикнула я, с деланным безразличием разглядывая роскошную картинку на упругом смуглом животе. – Классный! Я тоже хочу татуировку!

– Я тебя умоляю… – Митя одарил меня тяжелым, не обещающим ничего хорошего взглядом. – Только попробуй…

– Почему это тебе можно, а мне нет?

– Потому.

– Сделаю там, где ты никогда не увидишь! – игриво заявила я и состроила мину.

В ту ночь все закончилось для меня хорошо. Тем не менее, уже после того, как мы попили вдвоем чай на кухне, а я подобрала себе книгу по рекомендации Мити, я вернулась к себе в комнату в очень расстроенных чувствах, с полным ощущением какого-то необратимого провала. Что-то такое было в выражении его глаз, чего я никогда не видела раньше. Он смотрел на меня как-то по-особенному. Я долго с волнением рассматривала себя в зеркале, ища то ли аргументы «за», то ли «против», но все равно мысли все снова и снова возвращались в одно и то же русло: нет никаких «за» и «против», я его сестра, и у моих грез нет будущего, как бы красива я ни была. И все-таки, ради справедливости замечу, что во мне было, чем полюбоваться. Во всяком случае, рейтинги моих фоток в интернете могли служить этому вещественным доказательством, как и внимание со стороны весьма привлекательных молодых людей. Белокожая, зеленоглазая, черноволосая, с локонами до пояса, с мягкими женственными очертаниями фигуры, длинными стройными ногами, соблазнительно-наливным третьим размером груди и вполне себе модельным ростом, я могла составить конкуренцию современным светским нимфам и юным звездочкам. Нахмурившись, я с пристрастием проинспектировала со

всех сторон свой слишком уж беспечный и провокационный видок в отражении. Может, не стоило мне, как порядочной сестре, щеголять перед ним в такой короткой шелковой сорочке с полупрозрачным кружевным лифом? Кажется, он рассматривал меня более пристально, чем обычно, сонно подперев рукой подбородок и делая вид, что со скуки изучает коллекцию маминого фарфора в серванте, пока я заваривала чай. Господи, проблема в том, что я слишком много думаю о нем как о мужчине, поэтому уже не в состоянии адекватно оценивать обстановку! Кажется, все это давно стало опасным…

Впрочем, на следующее утро моя подозрительность полностью улетучилась. Утром вернулись родители, мы вместе позавтракали в час дня, так как оба заспались, а потом он ушел и не заходил к нам несколько дней. Видимо, торчал у себя на квартире или у девушки. В общем, все пошло как прежде… На некоторое время…

Однако, все эти воспоминания были ценны разве что для моего больного рассудка… особенно сейчас, когда Митя должен был уехать в Петербург. По сути вот он – мой шанс вырваться из грез и попытаться жить нормальной жизнью успешной и беззаботной первокурсницы, уже вступившей во взрослую жизнь со своим восемнадцатым днем рождения. И все же я тогда находилась в полном смятении и отчаянии, хотя давно готовила себя к этому событию. Митя с утра пришел к нам, но все утро был занят телефонными разговорами – то с девушкой своей объяснялся, которая его, конечно же, не хотела отпускать, то по работе о чем-то ругался с подчиненными. Претензии девушки, конечно, были обоснованными. Они были вместе уже года полтора, все было хорошо, и она вполне имела право претендовать на развитие и узаконивание отношений. Все официальные церемонии типа знакомства и одобрения родителей с обеих сторон, а также формальной помолвки были пройдены, но Митя как всегда дал неожиданный задний ход.

Насколько я поняла из их разборок и из ее сбивчивых объяснений, он совсем недавно поставил ее перед фактом своего отъезда и фактически полностью разрывал отношения, давая только какие-то смутные сомнительные надежды. Катя, конечно, была в полном отчаянии и гневе, и если бы я сама не сходила с ума по своему брату, я, безусловно, заняла бы ее сторону и назвала бы его полной скотиной, но проблема была в том, что меня постоянно мучила ревность. И эта ревность только усиливалась, когда он начинал подтрунивать надо мной на тему моих поклонников, которых, как я уже говорила, было немало. Понятное дело, что меня никто, кроме брата, не интересовал, но вот он, похоже, был готов сплавить меня первому встречному, и это доводило меня до бешенства и исступленного чувства безнадежности. Самое интересное, что Митю расставание с Катей, казалось, совершенно не трогало. Словно она была какой-нибудь сломавшейся и теперь ненужной ему вещью! Ее сцены его только раздражали, и, хотя он был очень терпелив с ней и ни разу ей не нагрубил в ответ на ее многочисленные, вполне заслуженные выпады в его адрес, все же в итоге стал цинично сбрасывать ее звонки, а потом отключил звук у телефона, бросил его в ящик стола и ушел болтать с мамой на кухню.

Я сидела у себя в комнате, стараясь изо всех сил учить английский и не заплакать, когда он постучал в дверь и зашел ко мне. Я обернулась и в напряжении наблюдала, как он по-хозяйски расхаживает по комнате, перебирая разные безделушки на трюмо. Внутри росло мучительное чувство обиды и боли – за то, что он такой бесчувственный мерзавец, за то, что он мой брат, за то, что он уезжает, оставляя меня наедине с моим безумием.

– Ну и что ты здесь делаешь? – не слишком приветливо выпалила я наконец.

– Похоже, и ты мне не рада… – не слишком удивился он.

– Была бы очень рада, если бы ты снова не вел себя как эгоистичный подлец. Это уже даже не смешно, Дим… – наконец выпалила я, все же не в силах сдержать свою обиду на него за Катю, за себя и заодно за весь женский род. – Катя, между прочим, и мне звонила… Пыталась выяснить, что с тобой случилось. Не может поверить, что ты бросаешь ее без причин.

– Ох, и ты туда же… Сговорились что ли все? – невесело скривился он. – Может, сменим тему?

– А что ты рассчитывал услышать, придя ко мне? Мне тоже неприятно за тебя отдуваться… Я даже не знала, что ей сказать…

Этот бессовестный засранец лишь пожал плечами и предпочел промолчать. Как же он иногда бесил! По всему его виду нетрудно было вычислить, что ему плевать. Он прошелся вдоль книжного шкафа, перебирая пальцами корешки книг, дошел до окна, выглянул наружу, а потом вдруг уселся на диван, подперев рукой щеку и выжидающе глядя на меня.

– Иди сюда, – как-то заговорщически позвал он. – Надо поговорить.

– Вообще-то я это и делаю… – проворчала я, но все же нехотя встала и села на диван рядом с ним, даже не представляя, что я могу сейчас от него услышать. Он долгое время молчал, и это уже начало меня напрягать, но тут он вдруг спросил:

– Слушай, а почему у тебя нет парня?

– Боже мой! Ты долго думал, что спросить?

– Нет, правда… Ты.... – он немного замялся, – ты очень красивая, эффектная, хорошо обеспеченная девушка, многим нравишься. Почему ты одна?

– Может быть, потому, что еще не встретила свою любовь? – немного взволнованно, но все же дерзко произнесла я, испытывая неловкость из-за обсуждения подобной темы, да еще наедине, но потом вдруг спохватилась и снова перешла в наступление. – Или, может, старший брат формирует у меня негативный образ мужчины? Почему ты так поступаешь с приличными девушками? Неужели для развлечения нельзя находить кого-нибудь попроще и не кормить их пустыми обещаниями?

– Марин, – вдруг посерьезнел он, развернувшись ко мне всем корпусом и глядя прямо мне в лицо. – Ты будешь по мне скучать?

Я уже готова была возмутиться из-за того, что он совершенно меня не слушает и меняет тему, но в этот миг случайно поймала его взгляд. Я могла поклясться, что в его глазах пронесся, сверкая огненным хвостом, демон, поэтому вопрос на какое-то время загнал меня в ступор. Во-первых, я уже скучала по нему и вполне имела право на эти чувства как сестра. Во-вторых, этот вопрос звучал странно и неестественно из его уст, если только это не была какая-то глупая шутка. Меня привела в замешательство серьезность его тона в сочетании со спрятавшейся в уголке губ недоброй насмешкой и горящим взглядом.

– Конечно, – растерянно пробормотала я, чувствуя неладное.

– Иди ко мне, – спокойствие его голоса усыпляло бдительность. Он протянул руку, чтобы обнять меня, и я в крайней степени смущения придвинулась к нему и неловко обхватила его за шею. Его руки сомкнулись у меня на талии. – Я буду по тебе скучать, сестренка.

– Я по тебе тоже.... – с усилием вымолвила я, не решившись фальшиво приставить в конце слово «братишка».

Наконец мне показалось, что объятие затянулось, и я попыталась высвободиться, но Митя не пускал. Я почувствовала, как лицо и уши горячо запылали, причем не столько от ощущения близости с ним, к которой я была в общем-то привычна, сколько от ощущения, что что-то идет не так.

– Ты чего?

– Ничего, – его голос был совершенно спокойным, даже наигранно равнодушным, лицо тоже. Он просто сжимал меня за талию, крепко притянув к себе, хотя я давно уже упиралась ладонями в его грудь, чтобы высвободиться. Пока я мучительно краснела прямо у него на глазах, безрезультатно стараясь подавить судорожное частое дыхание, комок в горле и гулкие удары сердца, смущенно отводя взгляд и вообще всячески уворачиваясь от его глаз, он, тем временем, изучал меня, как пойманную в ловушку мышку, беспристрастно и холодно.

– Знаешь, – произнес он вдруг стальным голосом, в котором слышалась та примесь упрека и гнева, которую я всегда боялась в нем распознать. – Вообще-то я от тебя такого не ожидал…

Мое сердце упало. Меня охватила совершеннейшая паника. Все тело предательски похолодело и в миг ослабло.

– Ч-чего именно? – я старалась быть как можно непринужденнее, но поперек горла стоял ком, от которого я задыхалась и вынуждена была сглотнуть и судорожно схватить воздух ртом.

– Я читал твой дневник, – произнес он наконец мой приговор.

Боже, сотни раз я с ужасом представляла себе подобную сцену, но я и понятия не имела, что это будет настолько ужасно, как сейчас. В голове вдруг мигом пронеслись все эти позорные порно-фантазии о нем, старательно записанные моей рукой, а еще мелькнула мысль: «Это он из-за меня уезжает!». Дрожа всем телом и почти теряя сознание от охватившей меня паники, я с мольбой решилась заглянуть в его глаза.

– Ты… ты не мог! Ты не мог!!!

– Но я читал. От и до… – выговорил он четко и безэмоционально, глядя прямо мне в глаза и крепко сжимая меня в объятьях, так чтобы ни единая моя реакция не ускользнула от его внимания. Я почти не могла дышать. Во рту пересохло. Сопротивляться я уже не могла.

– Ты.. ты все не так понял! Это вообще не дневник! Я писала рассказ!

– Ты за идиота меня держишь? – он нахмурился.

– Митя, вовсе нет! Вовсе нет! Я правду говорю! – в моем голосе отвратительно дребезжала фальшь с примесью страха.

Какое-то время он молча и напряженно сканировал меня взглядом, будто пытаясь определить, дать мне шанс или уничтожить, затем усмехнулся, а потом вдруг рассмеялся мне в лицо, почти беззвучно, но презрительно и холодно.

– А ты, оказывается, очень хорошо умеешь врать, малышка. Совсем как взрослая, опытная интриганка. Стоишь до последнего! Только тебе отступать уже некуда. Теперь до меня дошло, что это было той ночью в кабинете. А я-то, дурак, думал, что нафантазировал черт те что! Винил себя в грязных мыслях… Оказывается, это ты у нас не такая уж святая невинность…

Его руки сжались сильнее, уже причиняя боль. Он так наверняка наставит мне синяков, но на это уже было плевать. Я задохнулась. Щеки и уши горели так, будто его сверкающие от гнева глаза метали в меня не искры, а раскаленные угли из пылающего костра, и это было просто невыносимо!

– Ты не имел права читать! – закричала вдруг я, уже не в силах себя контролировать. Гнев вдруг вытеснил стыд и панический ужас.

– Почему же это не имел?! – он тряхнул меня, и я заметила, как на его виске надулся и участился пульс. – Если бы ты на меня не пялилась восторженными глазками как на леденец на палочке, если бы ты не лапала меня тогда в кабинете, если бы не ревновала меня ко всем моим девушкам, всегда вовремя устраивая истерики, на фиг бы мне не был нужен твой дневник! Но ты вызывала слишком много вопросов! И вот в один прекрасный день я просто сопоставил все факты и все понял.

– Митя, да ты все не так понял! – воскликнула я, вдруг с новой силой хватаясь за соломинку. – Я.. дело в том, что я… просто влюблена в одного парня… Это я про него писала! Я просто представляла, как бы все было, если бы он был на твоем месте… глупая женская фантазия и больше ничего! Это не о тебе, клянусь! – фальшь продолжала позорно звенеть в моих словах так очевидно и пошло, что даже меня саму заставила поморщиться.

– Не обо мне?!– язвительно и зло зашипел он, приподняв брови. – Да ты совсем завралась с этими своими историями любви! Ты хоть одного реального парня когда-нибудь приводила в дом? И вообще какого черта ты тогда делала со мной в кабинете? Если хочешь знать, я не

спал с того самого момента, как ты зашла! И я помню все, до последней детали! До сих пор помню, как будто бы это было вчера! И каждый день! Слышишь?! Каждый день за тобой слежу и потихоньку схожу с ума, потому что прекрасно вижу, что ты творишь!

Я похолодела, даже почувствовала, как волосы шевелятся у меня на голове от очевидности ожившего кошмара. Вдруг он оттолкнул меня на спинку дивана и навис надо мной, сильный и грозный, словно ангел смерти с печатью безжалостности на лице. Тяжело дыша и стиснув зубы, он медленно обвел меня тяжелым изучающим взглядом, который невозможно было разгадать. Я буквально физически ощущала, как он обжег мои губы, шею, плечи, грудь, снова вернулся к губам. В нем не было и тени смущения. Только какой-то остервенелый голод и тихая злость.

– Господи… – едва слышно прошипел он мне в лицо, ловя мой взгляд и будто пытаясь меня гипнотизировать, как голодный удав загнанного в угол кролика. Его зрачки расширились, язык смочил пересохшие губы, на горле шевельнулся кадык. – Если бы я сам не был настолько испорченным, я бы тебя сейчас придушил, чертова дурочка. Ты хоть это понимаешь?! – его рука вдруг метнулась к моей шее, больно сжимая, перекрывая дыхание, заставляя издать жалобный тонкий мышиный писк. В следующий момент я дернулась, чтобы вырваться, и вцепилась в его застывшую каменным изваянием руку, но его горячее дыхание приблизилось, обдало мое лицо влажным жаром, и его губы накрыли мой рот.

Шок… единственное, что я чувствовала в первые секунды, был только шок, который лишил меня способности соображать и чувствовать что-либо… Потом по телу разлилось ошеломляющее тепло, губы налились под интенсивными бесстыдными ласками, подчинились, невольно ответили. Кажется, из-за его зажима мне не хватало дыхания, но его рука неожиданно ослабла и скользнула вниз, слегка сжимая грудь. Я слабо застонала и выгнулась, не в состоянии контролировать испытываемое блаженство. Боже, не об этом ли я мечтала все эти долгие годы?! Могло ли это вообще быть правдой?!

Это было настолько невыносимо сладостно, что я просто не могла противостоять искушению. К тому же это ведь был мой первый настоящий поцелуй, не какой-нибудь там экспериментальный поцелуй вскользь в клубе или после сомнительного свидания у подъезда, а настоящий страстный мужской поцелуй! Его губы были горячими, влажными и нагло настойчивыми. Его язык тут же проник в мой рот небольшими толчками, и по началу я чувствовала себя совершенно беспомощной и обескураженной, не понимая, что я должна делать и как себя вести, но Митя не давал мне времени подумать или сосредоточиться.

Его рука лениво переместилась на другую грудь, поглаживая сквозь ткань затвердевший сосок и снова сжимая, вызывая дрожь во всем теле и глухой вскрик, который тут же поглотили его губы. Я сидела, вжавшись в спинку дивана и бессильно расставив в стороны руки, боясь шевельнуться и спугнуть это сказочное сновидение, от которого голова шла кругом, а тело парило в невесомости, как на беспокойной поверхности бушующего океана, обдающего кожу то брызгами, то воздушной пеной, то стремительно накрывающими с головой волнами. Тем временем, уверенная и наглая мужская рука двинулась ниже – по животу, по бедру, по ноге, поиграла короткой юбочкой домашнего трикотажного платьица, бесцеремонно сдвинула ее вверх и проникла между ног. На миг разум проснулся, и вспышка страха ослепила уснувшее было от его ласк сознание. Я сомкнула ноги, встрепенулась, попыталась остановить слишком уж откровенные прикосновения, но тщетно. Мою шею снова зажали мертвой хваткой, явно давая понять, что сопротивление чревато, а другая рука грубо сжала бедро с внутренней стороны и сдвинула трусики, добираясь до вожделенной цели.

– Еще раз дернешься, я за себя не отвечаю, – полное яростной страсти рычание заставило присмиреть. Опьяневшие, голодные, полуприкрытые глаза брата превратились в озера с расплавленным серебристым металлом, готовым выплеснуться на мое горящее от возбуждения и стыда лицо. Я слегка расслабила дрожащие от волнения ноги, позволяя его пальцам нежно

тронуть мои нижние губки, а потом проникнуть немного глубже и мучительно нежно погладить сочные складочки, вовсю пропитавшиеся скользкой влагой. Осознание собственной порочности под неусыпным контролем его взгляда выбило из колеи, спутало остатки всех здравых мыслей, унизительно усилило возбуждение. Выражение лица брата изменилось – на нем отобразилась неопределенная смесь эмоций: волнение, горькая усмешка, какое-то странное злорадство.

Он прикрыл глаза, закусил губу, облизался и снова прошиб меня уничтожающе плотоядным взглядом. Я чувствовала его участившееся дыхание у себя на лице, видела, как вздымается его грудь и, казалось, слышала, как неистовствует в груди его сердце.

– Значит, ты не обо мне писала, что ты вся течешь, стоит мне к тебе прикоснуться?– наконец вынес он свой обвинительный приговор таким презрительно-насмешливым тоном, что вся моя глупая радость от неожиданно посланного судьбой и такого желанного поцелуя тут же улетучилась. Снова осталось лишь отчаяние, чувство неминуемого краха и позора.

Я только беспомощно раскрыла рот, снова пытаясь оправдаться, но тут же застонала, чуть не плача, и невольно изогнулась, откликнувшись на очередное движение его пальцев у себя в трусиках. Только эта последняя ласка была слишком кратковременной, чтобы утолить мои желания. Он убрал руку, откинулся на спинку дивана, уронив назад голову.

– Ты понимаешь, что ты наделала? – наконец слабо выдохнул Митя, словно наш недавний порыв страсти лишил его всех сил. – Ты так себе это представляла?! Что я буду вести себя с тобой, как с любой другой девушкой и в этом не будет ничего страшного?! – его лицо резко обратилось ко мне, испепеляя, уничтожая взглядом, а в его голосе звучал упрек, горечь, разочарование, боль.

– П-прости! – пробормотала я, ощущая, как глаза обожгли подступившие слезы, а подбородок дрогнул. – П-прости! Я не хотела… Я не думала… Я просто голову потеряла… Я не могу это контролировать! Я пыталась, но не могу! Мить… – я приподнялась, тронула его за плечо, тут же почувствовав, как нас обоих прошибает ток, будто удар кнутом, будто штормовой вал, который накрыл с головой, разом проник в горло, в легкие, в желудок, не давая дышать. Брат вздрогнул и так взглянул на мою руку, что я отдернула ее, словно ошпаренную. А в следующую секунду он вдруг ринулся на меня, впившись пальцами в мои плечи и встряхнув меня, как какую-то тряпичную куклу.

– Чертова дурочка! – новая встряска заставила меня подпрыгнуть. – Маленькая извращенка! – еще рывок, от которого в позвоночнике, кажется, что-то хрустнуло. – Ты не имела права писать все это! – горячо и зло рычал он на меня сквозь зубы. – Не имела права даже думать об этом! Не имела права вмешиваться в мою личную жизнь!

На этот раз он по-настоящему вышел из себя и кричал, как ненормальный.

– Тише… пожалуйста, успокойся… Митя… пожалуйста, мне больно… – жалобно пищала я нечто невразумительное, вся дрожа от страха перед его гневом и все также позорно сходя по нему с ума. Даже сейчас, в ярости, он был умопомрачительно прекрасен, как может быть прекрасен взбесившийся зверь, красивый, дикий и необузданный. – Не надо… пожалуйста, не надо… – умоляюще шептала я в отчаянии и попыталась прильнуть к нему и обнять, чтобы вымолить у него прощение, утихомирить его приступ безумия. Постепенно его захват ослаб, железная хватка превратилась в объятья, дыхание успокоилось. Только сердце по-прежнему ходило ходуном под моими ладонями, прижавшимися к его груди. Мы замерли, сжав друг друга в объятьях. Я в ужасе представляла себе, что было бы, если бы свидетелем этих разборок стала мама, которая готовила на кухне обед. Дом был большой. Конечно, она скорее всего ничего не слышала, потому что кухня располагалась этажом ниже, у нее работал телевизор и вообще она крайне редко сюда заходила, но все же… Все же…

На какие-то растянувшиеся, как на абсурдных полотнах Дали, секунды наши объятья можно было счесть вполне невинными, пока я не осознала вдруг, что мне в живот упирается до предела затвердевший мужской член. Его нервная пульсация сводила с ума, лишая всякой

силы воли, отшибая к черту по крупицам собранные частички здравомыслия. Если бы мама увидела, как я в тот момент, сидя на диване на коленях, покрывала нежными поцелуями грудь, шею и лицо брата, лаская сквозь футболку его тело, как я пыталась вновь разбудить его страстные губы, беспомощно млея от собственной проснувшейся неконтролируемой страсти, она бы умерла от разрыва сердца на месте, а Митя, наверное, тут же придушил бы меня, а потом, не раздумывая, шагнул бы с балкона многоэтажки.

Сначала он замер в недоумении, охваченный какой-то странной лихорадкой и позволяя мне упиваться вкусом и гладкостью собственной кожи и губ, но потом вдруг перехватил обе мои руки и оторвал их от себя, отталкивая прочь. Я думала, он сейчас меня прогонит, отвесив пощечину, которую я, безусловно, заслужила, но вместо этого он слабо мотнул головой и закрыл глаза, тяжело дыша и стискивая зубы. Боясь его гнева, я бессознательно подалась назад, но поздно… Брат открыл глаза и, схватив за руки, потянул меня к себе, сажая верхом на колени. Его дыхание горячо ласкало мои губы, а глаза гипнотизировали змеиным серебром, пока мужские пальцы медленно обнажили мое плечо, оттянув вниз рукав трикотажного платья. Потом его руки скользнули мне за спину, слегка опустили и без того глубокий вырез и расстегнули мой бюстгальтер. Мастерски! За секунду. Даже я иной раз мучилась с этой дурацкой застежкой дольше! Он сдвинул кружевной лиф, обнажая груди с набухшими розовыми бутонами. Его пальцы легко и нежно потерли один сосок, доводя меня до безумия. Из моих губ вырвался стон, но Митя заглушил его новым ненасытным поцелуем. Его губы горячо и трепетно скользили по моим дрожащим губкам, а его язык то едва ощутимо дразнил меня, то проникал в мой рот с такой бессовестной настойчивостью и едва уловимым томительно захватывающим ритмом, что я невольно жалась к брату, извиваясь всем телом, ища еще большей близости и еще более глубокого проникновения.

– Ты… бесстыдная… сестренка… – выдохнул он мне в самое ухо, чувствительно, даже немного больно, сжимая пальцами мою грудь и щекоча мне мочку уха языком. Боже, это было восхитительно… Его глубокий то слегка сосущий, то нежно ласкающий поцелуй, его пальцы на моих сосках, его пальцы, нежно поглаживающие мои трусики… В какой-то момент я поняла, что больше не выдержу эти мучительные ласки, что мне нужно больше – еще и еще… Но только куда это нас приведет?.. Я хотела было вырваться, чтобы остановить это безумие, но он не пустил.

– А ну сидеть! – в его суровом приказе слышалось что-то зловещее, будто он только вошел во вкус греха и уже не желал брать себя в руки. – Куда это ты собралась?

– Дим… но мы же не можем… – я запнулась.

– Нет? – брат язвительно ухмыльнулся краем губ. – А я-то думал, ты уже на все готова…

От такой наглости я вся похолодела.

– Знаешь что?! Ты достал! Сам не знаешь, чего хочешь! Отпусти! – Я оторвала от себя мужские руки и уперлась в его плечи, пытаясь вырваться из бесцеремонных, цепких объятий. Внутри начала закипать истерика.

– Тебе-то откуда знать, чего я хочу, соплячка?! – вдруг тоже взорвался он. – Или думаешь, что меня можно вот так дразнить, а потом сбежать?

– Ничего я не думаю! – у меня даже голос срывался от возмущения. – Ты мог бы попытаться понять! И ты мог бы сам меня не провоцировать!

– Серьезно?! – он нахально рассмеялся. – Это я тебя провоцирую?! А как ты себе вообще это представляла? Пара поцелуев иногда перед сном, когда не спится? Или будем трахаться, пока родителей нет дома? Ты сумасшедшая! Ты сама читала свой дневник?!

Я чуть не заплакала. Оглушительная правда его слов тут же спустила с небес на землю, снова до отвращения давая прочувствовать собственную вину и порочность.

– Дим… Я правда не знаю, что мне делать… прости…

Я казалась себе ужасно жалкой, и весь его суровый и мрачный вид только усиливал эти ощущения.

– Ты девственница? – вдруг требовательно спросил он.

– Какое твое дело?!

– Я спросил, ты девственница? – его пальцы пребольно сжались на моих предплечьях, а голос стал похожим на рык. Видимо, я совсем не знала своего брата, который всегда был со мной таким милым и нежным. Черт, неужели жизнь нельзя отмотать назад, как старую магнитную ленту, чтобы вернуть ее к тому моменту, когда все было не так ужасно?!

– Я сказала, иди к черту! – крикнула я ему в лицо и дернула руки, одновременно пытаясь вырваться и ударить его кулаками в грудь.

В следующий момент он развернул меня с головокружительной скоростью, сам со всей дури толкнул меня ладонями в плечи и уронил на мягкие подушки дивана. Его колено требовательно развело мне ноги, низ живота прижался к моему животу, давая прочувствовать возбуждение, руки придавили запястья к дивану над моей головой.

– Будешь дергаться – будет больно, – зачем-то предупредил он, и я даже пискнуть не успела, как его пальцы рванули вниз мои трусики и скользнули между ног.

– Что ты делаешь?! – взвизгнула я и изогнулась, безрезультатно пытаясь выбраться из-под тяжелого мужского тела. – Я не хочу!

Пальцы двинулись дальше, кажется, пытаясь проникнуть внутрь, поглаживая и лаская. Я снова изогнулась, напряглась, чуть не плача и пытаясь оторвать от себя его руки. Губы брата прильнули к шее, к ушку, к щеке, обезоруживая и отвлекая чувственными прикосновениями. По коже разбежались ручейки томительного озноба.

– Расслабься. Ты вся дрожишь, – жаркий шепот опалил, заставляя таять.

– Просто отпусти… И мы все забудем! – выпалила я воинственно, хотя скорее умоляюще.

Он беззвучно хмыкнул.

– Ты правда сможешь забыть такое? – даже не знаю, чего больше было в его вопросе – упрека или все-таки бесстыдной провокации и страсти. Тем более что его пальцы продолжали мучительно ласкать, а губы покрывали пылающую кожу короткими поцелуями, нежными, как дуновение ветерка.

– Я… постараюсь… – пролепетала я, запрещая себе реагировать на чувственную пытку, которую он мне устроил. Вопреки воле из губ все-таки вырвался стон блаженства.

– Похоже, стараешься ты плохо… И не уверен, что у меня получится… – Он склонился и снова обжег поцелуем мои распахнувшиеся губы. Я попыталась увернуться, но под тяжестью его тела сложно было что-либо предпринять. Сумасшедшая влюбленная дурочка! Разве можно противиться страсти, которая выматывала тебя годами, как неизлечимая болезнь? Я прильнула к его губам с жадностью изголодавшегося молодого хищника, добравшегося наконец до первой, такой желанной добычи. Его пальцы тем временем глубоко проникли туда, где точно не должны были находиться пальцы брата. Странные и не совсем приятные ощущения заставили возмущенно замычать ему в губы и упереться в его грудь.

– Все-таки ты девственница… – холодно констатировал он, убрал руку из моих трусиков и отодвинулся в сторону, наконец-то выпуская меня на свободу.

– Придурок! – К лицу прилила краска. Я тоже подскочила, спешно поправляя одежду и тут же пиная его ногой в бедро.

– Может, хватит? – раздраженно рявкнул он, отталкивая мою ногу и подскакивая с дивана. – Неужто для меня себя берегла?

– А что, надо было прыгать в постель к первому встречному лет в двенадцать? – съязвила я, обиженная на его хамский тон.

– Нет, что ты! Надо было сохранить себя для родного брата! Это ж так романтично и пикантно! – Митя выругался, отошел к окну и запустил пальцы в волосы. Потом ударил ладо-

нью в стекло и замер, уставившись куда-то вдаль. Я закусила губу, приходя в ужас от его ярости. Кажется, я никогда раньше не видела его таким взбешенным. Конечно, он имел право на меня злиться. Но все-таки я была уверена, что гораздо больше он злится на себя… Злится за то, что допустил все это… Ведь по сути то, чем мы сейчас занимались, было непристойным и отвратительным… тем, что никогда не должно было произойти… Все внутри сковал лед отчаянья. Единственное, что немного грело душу, это то, что он сам этого хотел и хотел не меньше, чем я… Уж не знаю, распалил ли его так мой дневник и догадки или все же он и раньше смотрел на меня не только как на сестру. Возможно, он и сам бы уже не мог дать точный ответ на этот вопрос…

В воцарившейся тишине на лестнице вдруг послышались шаги мамы. Я подпрыгнула на месте, как ошпаренная, метнулась в дальний угол дивана, судорожно поправила платье, вжалась в спинку и поджала под себя ноги. Митя невозмутимо обвел глазами комнату, взял с письменного стола пульт и включил телевизор. Когда зашла мама и окинула нас вопросительным взглядом, он уже пристроился у подоконника, по-деловому скрестив на груди руки.

– Что тут у вас за шум? – мама удивленно замерла на пару мгновений. Видимо, наши позы все-таки выглядели напряженными.

– Телик смотрим, – сухо отозвался Митя.

– Надеюсь, вы не ссоритесь? – мама нахмурилась.

– Нет, что ты мам! – поспешно вставила я, борясь с паникой.

– Конечно, нет… с чего бы… просто болтаем… – голос Мити, напротив, прозвучал совершенно естественно и тепло. Я метнула на него короткий взгляд через плечо. Хорош, красавчик. Мне еще определенно можно было поучиться у него так врать…

– Ну, слава богу… А то мне показалось, что вы кричали…

Я неопределенно пожала плечами. Брат непонимающе поджал губы и тоже ничего не сказал в ответ.

– Ладно… – протянула мама, видимо, решив не встревать, даже если что-то все-таки произошло. Она критически осмотрела комнату, остановила взгляд на моем распахнутом шкафу, в котором царил полный бардак, и разочарованно выдохнула. – Марин, ну можно было за два дня убрать вещи? Я же просила…

– Да уберу я… – закатив глаза, я привычно изобразила полный пофигизм, хотя внутри все взрывалось от перенесенного стресса.

– Очень на это надеюсь… – мама забрала с комода грязную чайную чашку и скептически подняла бровь, но потом заставила себя улыбнуться. – Через полчаса обедать будем, зайчики. Пообщайтесь пока. Я знаю, что вам обоим грустно из-за расставания, но…

Заметив, что мы оба замерли, как статуи, она не стала договаривать, а только примирительно выставила вперед ладонь.

– Хорошо, не буду отвлекать… Мить, ты ж собирался Марише кое-что подарить… – добавила она, будто ухватившись за соломинку.

– А, да, мам. Спасибо, что напомнила. Попозже подарю. – Митин голос звучал очень мило и дружелюбно, а я заставила себя изобразить безмолвный восторг и радостное предвкушение.

Мама ушла с улыбкой умиления на лице. Должно быть, со стороны ее детки выглядели прелестно. Оба уже взрослые, умные, многообещающие, такие прелестные и красивые, как образцовая семейка из рекламы зубной пасты или какого-нибудь широкоугольного плазменного телевизора. Дверь тихо закрылась. Я перевела дух и робко спросила:

– Что еще за подарок?

Митя молча и не спеша пощелкал по каналам, потом выключил телевизор, встал и пошел к двери. Я несколько остолбенела.

– Дим… – еще раз окликнула его я, но осеклась, потому что он захлопнул за собой дверь и даже не обернулся. Ну и пусть убирается к черту! Как он вообще посмел так со мной поступить!

Как мог так неуважительно отнестись к моим тайнам, даже если они касались чувств к нему?! Черт, как же я его иногда ненавидела! Наглый придурок! Эгоистичный хам! Балбес и бабник! Кажется, теперь я приблизительно представляла, что чувствовали его девушки, когда он давал им пинка. Все его благородное джентльменство – сплошная показуха и больше ничего!

Гнева хватило не надолго. Через пару минут я закрыла руками лицо, изо всех сил подавляя подступающие слезы. На моих щеках сейчас можно было запросто приготовить яичницу. Кожа и губы до сих пор хранили ощущения от его прикосновений и поцелуев, руки дрожали как у алкоголички со стажем. Да что же это такое… Не могло все это быть правдой! Я, наверное, сошла с ума и мне все это привиделось…

Немного придя в себя, я притащилась на кухню на зов мамы, по дороге ловя себя на мысли, что крадусь по собственному дому, будто преступница. Если снова встречусь с ним наедине, наверное, ушмыгну в свою норку как трусливая мышка… Но как теперь смотреть ему в глаза при родителях? Как заставить себя произнести хотя бы слово? Как к нему прикасаться и как ничем себя не выдать?

Я ждала его появления, будто собственной казни. Пульс барабанил в висках и в животе, так что я очень сомневалась, что смогу проглотить хотя бы кусочек, особенно если он явится и усядется на свое место слева от меня, и его рука будет в каких-то жалких двадцати-тридцати сантиметрах от моей. Но лазанья в тарелках уже начала остывать и заветриваться. После третьей неудачной попытки мамы дозваться Митю, ее терпение было на исходе. Она возилась с этим обедом полдня, желая порадовать семью в выходной, но, похоже, сегодня и папа не смог отлучиться с работы и застрял на деловых переговорах.

Когда брат наконец-то показался в дверном проеме, я похолодела. На нем была расстегнутая кожаная куртка на меху, а в руке – ключи от машины. Вид такой мрачный и суровый, что он сейчас одним взглядом мог испепелить на месте. Видимо, поэтому он не удостоил меня даже поворотом головы.

– Мам, мне нужно отъехать, – сухо бросил он тем тоном, который даже для мамы означал, что любые возражения и увещевания бесполезны. Она демонстративно тяжело вздохнула и почему-то с упреком посмотрела на меня.

– Мить, уже все готово… Ну хоть пять минут!

– Слушай, только не начинай… Я уже и так опаздываю на полчаса. – Через секунду он исчез в холле, скрывшись с моих глаз, а мама, конечно, отправилась его провожать. Я жадно прислушивалась к их разговору в прихожей, но до меня долетали лишь обрывки. Кажется, мама рассмеялась. Разрядить обстановку и умилостивить любимых и близких он всегда умел, если хотел… Интересно, захочет ли он после всего со мной быть таким же милым и веселым, как прежде. Я смахнула непрошеную слезу и часто задышала, чтобы успокоиться и дальше не портить маме настроение.

– Лазанья нереально вкусная! – изобразила восторг я, когда мама вернулась.

– Спасибо, зайчик! Хоть ты – настоящий друг. – Мама села за стол и украдкой изучила весь мой подавленный видок. – Вы поссорились, – безапелляционно констатировала она.

– Нажаловался что ли? – недовольно скривилась я, ковыряясь вилкой в тарелке. Если бы кто знал, чего мне стоил этот непринужденный тон. Внутри бушевала ядерная реакция.

– Вообще он мне уже лет с пятнадцати не жалуется… – резонно заметила мама. – Чего вы не поделили накануне его отъезда?

Я закатила глаза, между делом придумывая объяснения и стараясь следить за тем, чтобы руки не дрожали.

– Это из-за Кати… из-за его отношения к ней… ну и из-за его отъезда… Не хочу, чтобы он уезжал.

Мама хмыкнула, а я стыдливо уперлась взглядом в лазанью, чувствуя, что у меня даже уши горят.

– Мариш, но это же работа… А в его личную жизнь нам с тобой уж точно лучше не вмешиваться… Он все-таки уже большой мальчик.

– Да… наверное… – пришлось выдавить из себя, чтобы закрыть тему. Действительно, с чего бы мне вмешиваться в личную жизнь старшего брата, особенно теперь, когда он все знает про мои чувства, и, наверное, будет держать меня на расстоянии. На расстоянии более шестисот километров, если быть точнее…

Вечером, когда папа уже давно вернулся, с улицы вдруг раздался звук автомобильного двигателя и раздвигающихся ворот. Через некоторое время послышался шум в прихожей на втором этаже. Вопреки моим ожиданиям, Митя все-таки вернулся, хотя я была уверена, что он сбежит ночевать в свою городскую квартиру. Глупо было тешить себя надеждой, что он приехал ради меня. Скорее всего, просто хотел побыть с родителями или тут были какие-то нужные для поездки вещи. За дверью отозвались его уверенные шаги, но он прошел, не останавливаясь, в свою комнату и врубил электронную музыку так, чтобы хорошенько всем проехаться по мозгам в одиннадцать вечера. Большой мальчик… как же…

Около часа я безрезультатно пыталась вникнуть в домашнее задание, потом в сюжет какого-то любовного романа, потом в очередную серию давно надоевшего сериала. В двенадцать музыка смолкла, и собственная комната окончательно превратилась для меня в карцер колонии строгого режима: ни вздохнуть, ни выдохнуть, ни уснуть, ни расслабиться ни на секунду. Никогда раньше брат не казался мне таким близким и таким далеким одновременно. Разделяющая нас стена и мучительно-сладкие воспоминания о его жадных поцелуях, по-животному властных объятьях и диком повелевающем взгляде заставляли бурлить фантазию, нервы и кровь… Он тот еще упрямец и ни за что не пойдет навстречу, чтобы помириться или объясниться… А я просто не выдержу, если мы расстанемся вот так, не поговорив…

Умирая от страха, я выглянула в холл, стараясь не издавать ни звука, на негнущихся ногах дошла до его двери и тихонько постучала. Внутри все упало с головокружительной высоты, когда через несколько секунд дверь передо мной распахнулась. Брат молча смотрел на меня сверху вниз, а я стояла, не смея поднять глаза, и на всякий случай ухватилась за косяк двери, чтобы не свалиться в обморок. Не знаю, как долго продолжалось это молчаливое истязание, но в один момент меня вдруг схватили за руку и грубо втянули в комнату, закрыв дверь, а потом слегка оттолкнув назад.

– Что тебе нужно? – резко спросил Митя, продолжая сверлить меня взглядом.

– Я… – голос меня подвел. – Я просто хотела помириться… Я не могу так… зная, что ты сердишься и меня ненавидишь…

– Я не ненавижу тебя… – Дима отвернулся и потер ладонью лицо. Видимо, сам не знал, что говорить и что делать.

– Но ведешь себя именно так… – осмелилась возразить я, а сама украдкой успела заметить, как чертовски сексуально он выглядел в светло-голубых джинсах и белой облегающей футболке. Каждый мускул рельефно выступал под тонкой тканью, а белизна приятно оттеняла его слегка загорелую после летнего морского отдыха кожу.

– Марин, ты, вроде, уже не маленькая, – вдруг заметил он пугающе серьезно. – Долго еще будешь косить под непонимашку? – Мне бы очень хотелось увидеть хотя бы тень улыбки на его губах, но ее не было. – Ты чего пришла, особенно в таком виде? Хочешь нарваться?

От этих злых слов все тело прошибла ледяная испарина. Я смотрела на него, округлив глаза и раскрыв рот от удивления. Вот оно – началось, я навсегда потеряла доброго любящего брата, которого знала. А его место занял этот жестокий и хладнокровный демон, в котором не осталось и частички тепла ко мне. Я отступила на шаг назад и опустила голову, осматривая себя и стараясь понять, в чем провинилась. Обычная пижама – шелковая розовая маечка на тонких бретельках, слегка прихваченная под грудью резинкой и окаймленная по вырезу кремовым

кружевом, и длинные шелковые брюки с золотистым восточным узором. Не сказать, что все это выглядело провокационно. Я снова вопросительно взглянула на Митю и сглотнула.

– Тебя уже и мой обычный вид бесит?

Наконец-то в его стальных глазах появилась ухмылка. Губы тоже натянулись в подобии улыбки. А еще он приблизился на расстояние вытянутой руки и слегка склонил на бок голову, чтобы заглянуть в мое лицо.

– Мариш, ты правда такая наивная или у тебя какие-то далекоидущие планы на меня?

Черт, а он правда, оказывается, может выглядеть устрашающим. Я облизала губы. Воздух раскалился так, что невозможно было дышать. До носа долетел аромат его тела – похоже, он только что принял душ, и голову тут же окутал дурман от его шампуня и моего любимого парфюма.

– Я… не понимаю… – пролепетала я, не чувствуя собственных губ, но тут вдруг мой взгляд случайно упал на его освещенный лампой стол. В общем сумраке комнаты он выглядел особенно ярко. Там лежал мой дневник. Раскрытый. Догадка и гнев мигом вернули мне силы. Щеки немилосердно вспыхнули. – Верни мне мой дневник! – на этот раз холодно и уверенно выговорила я.

– Возьми… – каким-то странным полушепотом произнес он, но сам и не думал сдвигаться с места, хотя знал, что преграждает мне путь. Все еще разгневанная, я сделала шаг вперед, желая оттолкнуть его в сторону и думая, что он уступит, но вместо этого вдруг попалась в его руки. Он держал не крепко, всего лишь слегка сжал мои плечи, но меня в миг будто затянуло в его энергетическое поле: тысячи электрических укусов заставили задрожать и жадно втягивать в себя горячий воздух. Я уперлась в его грудь ладонями, но только еще больше запуталась в собственных ощущениях. Сама того не желая, я шагнула ближе, прильнула, закрыла от блаженства глаза, пропитываясь его теплом, его запахом, его дыханием. Покусав губу, сжала пальцами футболку на его груди, не желая ее отпускать, и подняла на него робкий взгляд. Он, напротив, склонился, разглядывая мои руки, нахмурился, стиснул челюсти. На его шее отчетливо вздрагивал пульс, а плечам вдруг стало больно от его хватки.

– Вот видишь, что теперь происходит… Ты не имела права все это писать… А я не должен был читать… – его злой шепот опалил лицо, порочные серые глаза наполнились кипящим серебром, а губы вдруг влажно и бесстыдно коснулись моих, пробуя, тут же отстраняясь и пробуя вновь. Я невольно издала полустон, выражающий то ли полную покорность, то ли отчаяние. Какие же шелковые и нежные могли быть его поцелуи – дурманящие, сочные, обжигающие, развратные и дьявольски искусные… У меня просто не было шансов опомниться… Он будто затягивал в свои сети, спутывал, околдовывал, метил своим вкусом и ароматом… А в следующую секунду он вдруг впился в мой рот жадно и безжалостно, будто собирался выпить из меня жизнь до последней капли. Его язык стал проникать глубоко и бесцеремонно, губы поглотили, требовательно посасывая и сминая. Его захват стал диким, болезненным, поцелуй – злым и хищным.

– Мне больно, Дим! – возмущенно вскрикнула я, когда наконец-то удалось его оттолкнуть. Его вид внушал трепет: горящие глаза, слегка приоткрытый рот, тоже истерзанный поцелуем, тяжело вздымающаяся от дыхания грудь и вздувшиеся на плечах и руках мускулы. Вовсе не тот милый парень, которого я всегда знала, а голодный зверь, загнавший в ловушку жертву. Черт, какой он был красивый… у меня подкашивались ноги, а низ живота обдало жаром животного возбуждения. Похоже, все мои постыдные чувства и мысли были четко выписаны на лице, потому что брат слабо ухмыльнулся и покачал головой. Он колебался всего мгновение, а потом подошел к двери. Когда в комнате раздался звонкий щелчок замка, я вздрогнула и все поняла. Он обернулся через плечо и посмотрел на меня через всю комнату, как удав на кролика, загипнотизированного страхом. Пауза была недолгой. Полосуя меня взглядом, как огненным бичом, он медленно направился ко мне, по дороге стягивая с себя футболку и расстегивая пуговицу на

джинсах, затем ширинку. Я ошарашенно молчала, не в состоянии ни вдохнуть, ни выдохнуть, только смотрела во все глаза и облизала губы, пламенея от вкуса его поцелуя во рту.

На этот раз, когда он приблизился, не было объятий – он будто нарочно держал на расстоянии, распаляя и пытаясь управлять моими только недавно пробудившимися и еще такими неопытными порывами. Его поцелуй изводил нежностью, а руки были везде – проникали под шелковую ткань пижамы, скользили, сжимали, ласкали и гладили… Я лишь робко льнула и позволяла делать с собой все, чего он желал, тая, расплавляясь, истекая и млея… Когда он оттеснил меня к постели, я уже была в одних трусиках, его ладонь лежала у меня на затылке, пальцы запутались в волосах, а другая его рука накрыла обнаженную грудь, чуть сжала и подразнила пальцами сосок. Дыхание оборвалось, губы продолжали млеть от его нежности. Пальцы робко пробежались по бугоркам мышц на его груди и животе. Его кожа была такой горячей и гладкой, что страшно было прикоснуться. Ожоги… Я вся была обожжена им и сгорала от этой порочной игры, упиваясь и одновременно сходя с ума от страха. Когда он осторожно потер мне трусики, я поняла, что вся промокла, а он тихонько ткнулся мне в ухо носом, вдохнул, тронул губами и вдруг отступил. Я растерянно проследила, как он ушел зачем-то в ванную и вернулся с полотенцем, тут же бросив его на постель рядом со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.